

ОГЛАВЛЕНИЕ

I	7
II	15
III	21
IV	28
V	38
VI	48
VII	58
VIII	67
IX	83
X	92
XI	105
XII	111
XIII	127
XIV	135
XV	143

XVI	152
XVII	162
XVIII	172
XIX	181
XX	201
XXI	210
XXII	223
XXIII	232
XXIV	244
XXV	253
XXVI	265
XXVII	271
XXVIII	287
XXIX	294
XXX	302
XXXI	308
XXXII	318
XXXIII	327
XXXIV	338
XXXV	344

*Посвящаю всем, кто когда-либо чувствовал себя запертым
и нашел пути к свободе. И своей бабуле.
Знаю, мы иногда совсем не понимаем друг друга,
но я все равно тебя люблю.*

Все события выдуманы, все совпадения случайны.

Плейлист

FADEEVA — Хорошие девочки врут
 Beth Crowley — I Scare Myself
 Jordan Smith — Feel Good
 ASAMMUELL — Вот и все
 Ragda — Сдаться
 ульяна мамушкина — ощущать
 Mary Gu — Это тоже пройдет (acoustic)
 Sam Smith — The Lighthouse Keeper
 Асия — Алоэ
 Лера Массква — Мы с тобой вместе
 Флорида — Жизнь прекрасна
 Demi Lovato — Heart By Heart
 Акmal' — Без любви
 ASAMMUELL — Обними
 Гузель Хасанова, Женя Трофимов —
 В городе дождь
 Ed Sheeran — Save Myself
 Céline Dion — Because You Loved Me

0:03

2:46

I

— *У* и чего мы встали? — недобро усмехается полицейский, подталкивая нас с Надей под лопатки. — Проходим вперед, не стесняемся!

— Эй, а можно поаккуратнее? — возмущаюсь я и дергаюсь, отстраняясь от его липкой, потной и совершенно неприятной ладони.

Кофточку-то жалко, совсем ведь новая! Буквально пару дней назад мы с мамой, увидев ее в магазине и запищав на весь отдел от восторга (еще бы, она из лимитированной коллекции!), выкупили это розовое пушистое великолепие за какие-то бешеные деньги. И пачкать ее совершенно не хочется.

А в этом — в самом прямом смысле слова — смердящем месте я буквально кожей ощущаю, как не только мягкая шерсть, но и я сама до кончиков волос пропитываюсь мерзким кислым ароматом.

Вот же я влипла.

Никак не ожидала, что вообще когда-нибудь окажусь за решеткой. А уж тем более в семнадцать лет!

Страж порядка молчит и смотрит на меня как на идиотку. Впрочем, именно ею я себя и ощущаю. Надо же было так попасть... Нет, глупая была идея. И ведь я с самого начала считала, что нам не стоит этого делать! Будь чуть посмелее, возразила бы Наде. Сказала бы, что подобное делают глупые малолетки. А ведь мы совсем не такие! Мы лучше их всех.

Мы — золотые детки. Так нас называют все учителя и даже некоторые одноклассники. А как иначе, ведь мы четверо — самые блестящие ученики в школе. Нас знают все — от первоклашек до персонала, — и мы действительно стараемся быть идеальными. Окружающие пророчат нам блестящее будущее: легендарную карьеру или счастливый брак, но они не знают правды.

Никто из нас не совершенен.

Мы все запятнаны грязью, и с каждым днем ее слой становится только толще. Как бы мы ни пытались отмыться, я знала, что однажды наступит день, когда ее станет видно всем вокруг. И вот он пришел. Теперь нет пути обратно. Каждая из нас под ударом. И некоторые пострадают сильнее.

Лучше бы я все-таки набралась храбрости и сказала, что обо всем этом думаю. Надо было сделать это с самого начала, еще два года назад, но тогда я не смогла. Было слишком страшно попасть под удар, а потом — остаться совершенно одной в новой стране. А сейчас я мало того, что трусливо смолчала, так еще и сделала куда больше остальных, чтобы осуществить задуманное подругой.

— Значит так, девочки. Ротики на замок и ждем приезда родителей, а там будем разбираться, что с вами делать, — сообщает полицейский, наконец, и запирает решетку.

Перед глазами всплывает четкая картинка: раскрасневшееся от гнева папино лицо, раздутые ноздри и потемневшие, почти черные глаза. Что ж, это совсем не удивительно. Кого порадует звонок посреди ночи от полицейского с сообщением, где находится его любимая доченька и что она натворила?

К горлу подступает тошнота. Не видать мне теперь новой сумки, а уж о поездке в Англию на лето тем более можно забыть... Повеселилась, блин, на свою голову!

— Элис... — шепчет Надя, беспомощно дергая меня за рукав. Ее лицо бледное, и она выглядит еще более испуганной, чем я себя чувствую. — Что же нам теперь делать?

— Не знаю... — растерянно отвечаю я.

Лена и Катя синхронно садятся на узкой деревянной скамейке у обшарпанной темно-синей сте-

ны и смотрят друг другу в глаза. Эти двое, как я успела выяснить за время нашего общения, в трудные минуты могут понимать друг друга почти без слов. Как телепаты. Почти как супергерои. Еще бы это нам как-то помогло выбраться отсюда без последствий, но, увы, они почти бесполезны.

— Родители с меня три шкуры снимут, — вдруг всхлипывает Надя и сжимает мое запястье с такой силой, что кожу обжигает болью. — А уж если об этом напишут в интернете... Что тогда со мной будет? Всему конец, понимаешь?

— Да... — почти на автомате, думая о том, что ждет нас уже через пару часов, шепчу я. Если меня и наших близняшек ждет максимум выговор от родителей и лишение чего-то очень ценного, то Бессонова потеряет больше всех — уважение аудитории, которой она добивалась долгие годы упорным трудом.

В интернете Надю считают милой, и она действительно самое настоящее чудо. Только вот иногда ее на первый взгляд гениальные идеи в какой-то момент переходят опасную грань. Порой нам удалось убедить подругу не делать глупостей, еще чаще — избегать последствий. Но не сегодня.

Надя снова всхлипывает и сползает по стенке, усаживаясь прямо на пол, не боясь запачкать белоснежный тренч, который я полгода назад подарила ей на день рождения. Обида тает, стоит мне увидеть, как дрожат ее плечи.

— А ну тише там, — грубо говорит следователь, заполнявший какие-то бумаги. — Нечего тут рыдать. Раньше думать надо было!

Хмурясь, я собираюсь ответить ему так же колко, но рыдания подруги становятся только громче.

— Надюш, — шепчу я и все же сажусь рядом, стараясь не думать, кто бывал на этом полу до меня. — Ну перестань... ты ведь так...

Но не успеваю я договорить, как слышу ее прерывистое и слишком уж частое дыхание. Черт... Так и знала, что эти слезы ничем хорошим не закончатся!

— Я... — начинает она сквозь слезы и закашливается.

От этого сухого, мучительного кашля у меня по спине ползут мурашки. Эти ее приступы каждый раз пугают, как в первый. Мы дружим вот уже два года, а я до сих пор не могу привыкнуть и постоянно теряюсь, стоит этому произойти. Вот и сейчас тревога усиливается с каждым новым тяжелым вздохом. Лена, оторвавшись от гляделок с сестрой, пристраивается с другого бока от Нади и помогает устроиться поудобнее, прижав ее согнутую спину к стене.

— Подержи ее, — просит она. — Я попробую уговорить его вернуть нам ингалятор.

— Его... — тяжело дыша, с трудом лепечет Надя. — Я его... не взя... ла...

Мы переглядываемся, а Катя решительно встает со скамьи и цокает каблуками к ограждению.

— Эй! — Она трясет решетку, и нас пронзает резкий металлический лязг. — Нашей подружке плохо.

— Знаю я, как вам плохо, — хмыкает бессердечный мужлан.

— Ну хоть воды теплой дайте, — просит Катя, пока мы с Леной втягиваем носом воздух в унисон с Надей, чтобы помочь ей выровнять дыхание.

Перепуганные, замерзшие и уставшие, мы собираемся в кружок прямо на полу, пока подружка с трудом пьет теплую жидкость из пластикового стаканчика. Я уже не думаю ни о кофте, ни о папе. Лишь мысленно умоляю, чтобы все наладилось. Как-нибудь.

— Мы что-нибудь придумаем, — твержу я, хотя сама совершенно в этом не уверена.

— Что? — Лена в отчаянии заламывает пальцы. — Мы буквально в тупике. Теперь остается только признаться во всем!

Надю снова бросает в дрожь.

— Я не могу... — шепчет она едва слышно. — Маму это буквально убьет... А мой блог? Что будет тогда? От меня ведь все рекламодатели отвернутся.

— Как будто нас родители за это по головке погладят, — фыркает Катя. — Нет, подружка, тонуть — так всем вместе.

Новый судорожный вздох Бессоновой заставляет меня вздрогнуть.

— Старайся дышать, — напоминаю я еще тверже. — А ты прекращай нагнетать обстановку.

